

ОБ ОШИБКАХ, УЛОВКАХ И ПРОВОКАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В СТРУКТУРЕ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ТЕКСТА ПРЕССЫ

© 2004 А.М.Шестерина

Тамбовский государственный университет

Проблема корректности диалога в прессе постоянно находится в фокусе внимания исследователей СМИ. Это и неудивительно. Нарушение основополагающих принципов диалога может привести к коммуникативным сбоям, обесценивающим преимущества диалогической формы общения.

Особое беспокойство с этой точки зрения вызывает полемический текст прессы, который в силу высокой степени нарративности гораздо более предрасположен к эмоциональности, чем тексты недиалогового характера. В связи с этим полемический публицистический текст характеризуется большим, нежели другие тексты, числом ошибок в рассуждениях, аргументации и доказательствах. Эту особенность печатной полемики отмечал еще К. - Чапек: "... В газетной полемике, в отличие от всех других видов борьбы... нет никаких правил, — по крайней мере у нас. В классической борьбе, например, не допускается, чтобы противники ругались во время состязания. В боксе нельзя сделать удар в воздухе, а потом заявить, что противник нокаутирован. При штыковой атаке не принято, чтобы солдаты обеих сторон клеветали друг на друга, — это делают за них журналисты в тылу. Но все это и даже гораздо большее — совершенно нормальные явления в словесной полемике, и трудно было бы отыскать что-либо такое, что знаток журнальных споров признал бы недозванным приемом, неведением боя, грубой игрой, обманом или неблагородной уловкой" [25, 198].

Действительно, в русле полемики в прессе многие из возможных в системе аргументации ошибок используются умышленно как уловки. К таким механизмам языковой демагогии относят возражение под видом согласия, противопоставление видимой и подлинной реальности, сверхобобщение и расширение.

Как указывает С. И. Поварнин, ошибки в доказательствах бывают, главным образом,

следующих видов: в тезисе, в доводах, в основаниях, в связи между доводами и тезисом, в рассуждении [17, 112]. В полемике *ошибка в тезисе* заложена изначально. Оба полемиста уверены в справедливости собственных (часто противоположных) тезисов и отстаивают их. В этом смысле, по меньшей мере, один из тезисов будет ошибочным. Исследователи справедливо отмечают, что часто ошибки в тезисе состоят в том, что аргументация полемиста начинается с доказательства одного тезиса, а потом переходит к доказательству другого. Например, в случаях с писательским творчеством чаще всего критики устанавливали корреляцию: критика произведения — критика писателя как создателя произведения — критика писателя как личности. Иными словами, в попытке доказать низкий уровень произведения доказывали несостоятельность автора как личности и наоборот. Многие исследователи предлагают называть такой вариант аргументации подменной тезиса.

В доводах встречаются чаще всего две ошибки — ложный довод и произвольный довод. *Ложный довод* — ситуация, когда кто-то опирается на явно ложную мысль. *Произвольный довод* хотя и не заведомо ложен, но сам еще требует должного доказательства. В публицистической полемике мы наблюдаем преимущественно второй вариант, как, например, в тексте "Как критикуют Президента": "Да что же это за власть такая, которая не в состоянии добиться выполнения собственных требований?! А еще говорят об опасности какого-то тоталитаризма" [4, 41]. В публикации автор пытается доказать, что существующая власть — не деспотичная и не тоталитарная. В качестве доказательства используется структура: "Если власть не может добиться выполнения требования, она не тоталитарная, а власть, о которой мы говорим, не может этого сделать, следовательно, она не тоталитарная" [4, 41].

Здесь первый компонент сам требует доказательства, поскольку тот факт, что тоталитарная власть всегда добивается выполнения своих требований, не очевиден и сам должен быть доказан.

Однако в целом указываемые исследователями ошибки в связи между основанием и тезисом (когда тезис не связан с основаниями или эта связь слишком завуалирована) относительно редко присутствуют в письменной форме полемики вообще и в журналистской полемике в частности. Такая ошибка воспринимается как чрезмерная по отношению к письменной речи и легко определяется аудиторией. Возможно, именно потому полемисты так часто сохраняют ее в диалогических жанрах — споре, интервью-конфронтации, — в репликах собеседника.

К вариантам логических ошибок относят “порочный круг”, или **“круг в доказательстве”**, когда доводы, доказывающие тезис, верны лишь в случае справедливости тезиса. Порочный круг, как правило, бывает построен на тавтологии, повторяющей в иной словесной форме уже сказанное. Е. Н. Зарецкая отмечает частотность такой ошибки в массовой коммуникации: *“В СМИ очень часто мысль сначала используется как аргумент, а потом выясняется, что сама эта мысль вытекает из тезиса, который в начале статьи пытался аргументировать автор”* [8, 161].

Часто в прессе проявляется ошибка, основанная на **обвинении** человека, на которого ссылаются как на авторитет: *“Вот бы взяться тому же А. Минкину! Коллега, помогите Президенту, у него не получается! Используйте свой авторитет, силу общественного мнения, включите правовые, судебные механизмы запроса информации, предусмотренные законом о СМИ”* [4, 41]. Как видим, здесь скепсис, отраженный в формулировках, позволяет принизить личность журналиста по принципу: “Критиковать все умеют — а вы попробуйте сделать лучше”. С точки зрения логики, указание на то, что кому-то не удастся сделать лучше, отнюдь не доказывает позиции, что сегодня все делается хорошо. Здесь используется способ, указанный еще Аристотелем: “Обвинить самого обвинителя, потому что нелегко, что сам человек не заслуживает доверия, а слова его заслуживают” [1, 140].

Несколько реже, но все же встречается в полемическом тексте прессы **“взывание к невежеству”** — утверждение, что высказывание истинно, поскольку никто не доказал, что оно ложно: *“Между тем представители “Вымпел-кома” и “Мегафона” вполне предсказуемо зая-*

вили, что их абонентам с такими проблемами встречаться не придется. Хотя, если считать основную версию про спецслужбы, никаких гарантий, что через пару недель на рынке не появится информация об абонентах того же “Билайна”, быть не может” [7, 18].

Среди прочих “ошибок” часто используется **“division”** (подразумевается, что части целого могут иметь свойства целого), как, например, в статье Р. Мессер “Попутчики второго призыва”, где автор пишет об Андрее Платонове: *“...Реакционна его классовая идеология, идеология той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая стоит перед пролетарской революцией и не видит ее подлинного смысла”* [15, 208].

Другая ошибка — **“отравление хорошего”** — принижение аргумента перед тем, как упомянуть его: *“Все остальные опубликованные на данный момент гипотетические предыстории появления компакт-диска с абонентской базой для МТС очень нехороши”* [7, 18].

Порой в результате типизации рождается **“провинциализм”**, или “ложное обобщение”: ошибочное принятие местного факта за универсальный. Так, например, в тексте “Кавалеристы скачут в пустыню” автор на основании одной незначительной ошибки американско-британских десантников делает довольно широкое обобщение: *“Но вообще этот случай показывает, что подготовленность американских летчиков удручающе низка. На своих родных полигонах, где-нибудь в Техасе, они каждую кочку знают. А попав в незнакомую пустыню... теряются. У союзников крайне плоха топографическая подготовка, они не умеют толком ориентироваться на местности. И, как видим, их не спасают даже системы Джи-Пи-Эс”* [21, 8]. В тексте имеет место процесс категоризации, который интенсивно развивается в прессе. Ложное обобщение выстраивается на отборе фактов, необходимых для самого обобщения. Такой отбор связан с естественной склонностью человека к фиксации лишь части информации — к мозаичному восприятию мира. Когда журналист осознанно осуществляет такое просеивание фактов, оно называется подтасовкой фактов и относится к разряду уловок. Как правило, отбор фактов основан на “подавлении фактов”, то есть умышленном представлении только той части фактов, которая поддерживает утверждение полемиста, и игнорировании тех фактов, которые противоречат ему. Иногда такую ошибку отмечают сами журналисты, и полемика выстраивается на ее критике: *“Впрочем, за скобками статьи остались многие пикантные подробности, ко-*

торые не заметил либо не захотел увидеть бы-тописатель” [19, 77]. Интересно, что здесь автор находит умалчивание в анализируемом тексте, однако сам включает в анализ ошибку, поскольку отсутствующие в тексте публикации факты в данном случае не являются доказательством того, что факты, включенные в текст, недостоверны.

Тревогу вызывает тот факт, что полемический текст прессы вообще склонен переводить ошибки в разряд **уловок**. В отличие от ошибок, уловки осознаются как искажающий, но эффективный ход. Одна из широко распространенных уловок выстраивается на основе ошибки в рассуждении “произвольные доводы”, то есть на основе использования недоказанных утверждений и отрицаний, на которые люди опираются для поддержки своих мнений. Так, например, журналист газеты “Труд”, доказывая некоторую неэффективность военной политики США в иракской войне вообще и нерешительность президента в признании победы, пишет: *“Буш же, по словам приближенных, строго-настрого запретил своим сотрудникам издавать победные кличи — впредь до того, как придет полная уверенность в победе. Он научен опытом: еще до начала войны с Ираком некоторые вашингтонские деятели обещали быстрый, чуть ли не за 48 часов, разгром саддамовских войск, причем малой кровью. Когда этого не произошло, посулы вернулись ядовитыми упреками в СМИ — через оппозицию. Так что президент, обжегшись на преждевременном пиаре, дует на воду.*

На брифинге пресс-представитель Белого дома Ари Флейшер сказал, что, “хотя президент очень доволен прогрессом в военной кампании и тем, что иракцы обретают свободу, он сохраняет сдержанность, потому что знает — впереди нас могут ожидать громадные трудности”. И дело, как можно понять, не только в том, что неизвестна судьба иракского диктатора, но и в том, что происходит нечто странное: без следа вместе с ним исчезли его самые надежные части — 50 тысяч республиканских гвардейцев. В защите Багдада они практически не играли никакой роли” [20, 1,4]. Тезис “американский президент нерешителен” подтверждается фактами, которые говорят лишь о реальном положении вещей и, напротив, должны бы оправдывать Буша, но в контексте материала звучат как обвинение. Сомнителен и источник, повествующий о нерешительности — “по словам приближенных”.

Очень часто полемисты используют **апелляцию к “ложному стыду”**, включая в текст формулы, подобные “вам, конечно, известно,

что...», “давно уже установлено...” или “общеизвестный факт”. В полемике такой “ход” встречается и в монологических, и в диалогических текстах. Однако в диалогических он в большей мере направлен на убеждение оппонента, а в монологических — на убеждении читателя: *“А основания для недоверия есть. Широко известна, например, история с переменной NSAKEУ в одном из модулей CryptoAPI”* [20, 4].

Нередко журналист обращается к другой родственной уловке, когда в текст включается оговорка, что довод будет убедительным только для избранных, по схеме “Вы, как человек умный, не станете отрицать, что...»: *“И только если задуматься (а много ли у “Комсомольца” читателей, склонных задумываться?), начинаешь понимать, что тебя элементарно берут на пушку”* [20, 5]. Такая уловка может осуществляться и через ссылку на авторитет, когда используется модель “если такой-то — умный человек, он, бесспорно, согласится со мной”, как, например, в следующем фрагменте: *“Рассматривая вышеприведенную публикацию с точки зрения ее качества, я испытывал сильные сомнения в том, что она была оплачена. На месте заказчика, если и был таковой, я бы подал в суд за нанесение морального вреда. А редактору следовало рассмотреть вопрос о взыскании суммы, потерянной газетой из-за того, что статья заняла место на полосе. И по рекламным расценкам! Кровожадно получилось?!“* [3, 20]

С. И. Поварнин называет существенную уловку — **перевод спора на противоречия**. “Указать, что противник противоречит сам себе, часто очень важно и необходимо. Но только не для доказательства ложности его тезиса. Такие указания имеют, например, огромное значение при критике какой-нибудь системы, мыслей. Нередко с их помощью можно разбить или ослабить доказательство противника” [17, 111], как, например, в публикации “О диктаторах — на сытый желудок”: *“А дальше еще одна липа: в ночь самоубийства Н. Аллилуевой Сталин оказывается в объятиях какой-то женщины рядом с мертвой женой. И при всем этом в титрах фильма сказано, что он якобы снят... по книгам Светланы Аллилуевой. Но, перечитав их еще раз... я нигде не встретил ни одного слова о показанном в американском фильме”* [5, 74]. Автор утверждает, что сам фрагмент фильма лжив, но доказывает это утверждение с помощью противоречий в его содержании и источнике, на который ссылаются авторы фильма. Совершенно очевидно, что такое противоречие может доказать лишь то, что источник указан неверно, но не может ни доказать, ни оп-

ровергнуть истинность или ложность самого эпизода. Эффект же публикации именно таков — читатель не доверяет тому, о чем шла речь в фильме.

Перевод спора может осуществиться на противоречия между словом и делом, между взглядами противника и его поступками, эпизодами из жизни. Этот “ход” часто используется в политической полемике, например — в русле предвыборной кампании. В публикации “Американский акцент”, оспаривая отмену праздника подписания Георгиевского трактата в Грузии, автор пишет: *“Бесспорно, отмечать или нет 220-летие подписания Георгиевского трактата — дело руководства суверенной республики. Хотя здесь хорошо помнят, как Шеварднадзе, будучи первым секретарем ЦК Компартии республики, при каждом удобном случае славословил исторический трактат”* [27, 2].

К числу частых отступлений от спора относится **подмена пункта разногласия**, опровержение не по существу, когда опровергаются несуществующие моменты позиции оппонента, а эффект распространяется на всю позицию. С. И. Поварнин отмечает, что эта уловка часто используется в письменных (газетных, журнальных) спорах, поскольку читатель редко возвращается к прочитанному материалу и глубоко анализирует тезисы и аргументы. Например, в тексте “Как критикуют Президента” автор спорит с позицией: лучше вакцинировать всех детей и подростков России от гепатита В, чем построить на ту же сумму Дворец конгрессов для приемов на высшем уровне. Журналист пишет: *“И почему, в конце концов, российский Президент не может прилично принять гостей? Это ведь тоже штрих к портрету страны, важная краска ее престижа”* [4, 41]. Конечно, в исходном тексте речь идет не о том, что такое здание не нужно — речь идет о том, что столь шикарное здание неуместно в стране с такими проблемами, как наша, что можно построить здание вполне приличное, но поскромнее. Оппонент же утрирует ситуацию и заменяет предыдущее утверждение, приписывая оппоненту мысль о том, что такое здание не нужно, а затем спорит с этой мыслью. Вопрос о возможности экономии средств в этом тексте и не обсуждается.

Близка к предыдущей и уловка, построенная на **расширении или сужении тезиса** (или довода), которые нередко достигаются за счет омонимии. В прессе используется как синтаксическая омонимия, так и лексическая омонимия. Например, в публикации “Осанна за наличные” [19, 76–78] слово “продажность” по

отношению к журналистской профессии фигурирует и в прямом смысле, как торговля результатами своего труда, и в косвенном — моральном, включаемом в категорию личной и профессиональной позиции. Автор доказывает допустимость последнего варианта, цитируя известную пушкинскую строку “не продается вдохновенье, но можно рукопись продать”, где “продажа” применяется в другом смысле. В исходном тексте логично было бы акцентировать слова “не продается вдохновенье”. Журналист же утверждает, что это возможно, поскольку можно продать рукопись. Начав с категории продажности в моральном плане, Ю. Романов расширяет ее до категории продажи вообще и на этом основании выстраивает аргументацию, что, безусловно, нарушает логику доказательства.

Огромное значение в сфере уловок имеет **перевод вопроса на точку зрения пользы или вреда**. Так, в публикации “Как критикуют Президента” автор рассуждает о справедливости или несправедливости критики в адрес первого лица страны, однако по отношению к одному критическому материалу рассматривает не его содержание, а вопрос о том, стоило ли вообще критиковать Путина, каков смысл такой критики, будет ли от нее польза: *“Судьба русских грозненцев по-прежнему не интересует никого: ни нынешнее чеченское правительство, ни федеральных миграционных чиновников, ни Администрацию президента Путина, ведущего войну...”*

Это — текст вреза. Далее в статье о Путине ни слова. Ему врезали походя, мимоходом, просто по удобному поводу подвернулся под руку. /.../ Но так ли это важно?” [4, 48]

Серьезную роль в полемической практике играют **названия с пропущенной посылкой**, которая объясняет их. По отношению к журналистскому тексту часто высказывается следующее требование: каждое название должно быть обосновано. Однако такое обоснование усложняет текст, а потому в прессе часто посылка хотя и не пропускается вовсе, но дается в сокращенном варианте, который сам еще требует объяснений: *“Хорошее правительство состоит из профессиональных параноиков, иначе оно просто не выживет”* [3, 20]. В данном случае в текст включается уловка, основанная на ошибке в использовании языковых средств.

Иногда в русле этой уловки акцентируется внушение. Известны названия, которые особенно “удачны” для такой уловки: это названия, которые имеют оттенок порицания или похвалы; ими пользуются как “злостными кличками” или “красивыми словами”,

“красивыми названиями”. Игра “красивыми названиями” и “злостными кличками” встречается постоянно, например в тексте “Берегите природу за деньги! “одно и то же явление получает обе формы наименования: “бюрократические изыски” — “бюрократические проволочки” [16, 3].

К тому же роду софизмов произвольного названия относится одна из самых обычных уловок спора — *бездоказательная оценка доводов противника*: “А ведь “Принцип домино” — передача по нынешним временам почти приличная по сравнению с ток-шоу малаховых, нагиевых, кушанавили. Там и говорить не о чем. Там любое хамство позволено” [2, 43].

К софизмам произвольного довода относятся часто и *мнимые доказательства*. Например, тождество, где в виде довода приводится для доказательства тезиса тот же тезис, только в других словах, или “обращенное доказательство”, когда мысль достоверную или более вероятную делают тезисом, а мысль менее вероятную — доводом для доказательства этого тезиса. Иногда же используется “ложный круг”, или “круг в доказательстве” или “заколдованный круг”, когда в одной и той же полемике тезис и доказательство несколько раз меняются местами. В полемических материалах прессы эти виды софизмов встречаются редко, в отличие от текстов электронных средств массовой информации. Возможно, особенности письменной речи позволяют отчасти регламентировать процесс их употребления.

Распространенной же ошибкой в прессе можно назвать *софизмы непоследовательности* (неправильные рассуждения), где тезис “не вытекает” из доводов. В текстах многих полемических статей обнаруживается и *false cause* (ложная причина). Это общий термин для сомнительного заключения о причине и следствии. Например, М. Майзель называет героев А. Платонова “ошибкой мастера” на основании того, что герои эти “преклоняются перед мертвой материей”. Они “машинны” и в силу этого “пассивны” [13, 195].

Другой вариант — *non sequitur* — заключение, которое не связано с предпосылками или не является разумным выводом из них: “Россия не нуждается в резком росте добычи нефти”, — заявил Ходорковский. Это утверждение выглядит, по меньшей мере, странным, если учесть, что нефтяной экспорт приносит стране треть ее бюджетных доходов” [18, 26]. В цитируемом фрагменте идет речь о внутренних потребностях страны, а далее — об экспорте. В первой части — о “резком приросте” до-

бычи нефти, который автор оценивает как рискованный. Во второй части этот параметр опускается. Фраза М. Ходорковского необоснованно включается в материал и трансформируется журналистом в точку зрения оппонента. Факты, которые звучат в публикации, опровергают вывод журналиста о значительной доходности отрасли для государства. Автор, напротив, доказывает всем текстом сегодняшнюю неэффективность распределения прибыли.

К часто встречающимся уловкам относится “*раздувание*” *проблемы*, когда для того, чтобы в негативном свете показать оппонента, говорят о проблеме, в которую он включен, как о глобальной, гиперболизируя ее значение.

Иногда проблема преувеличивается для того, чтобы придать ей вес и обратить внимание общественности на ее существование, а фигура оппонента в таком тексте отходит на второй план. Например, в публикации “Налог с летальным исходом” автор, рассуждая о НДС на лекарства, “раздувает” безусловно существующую проблему до масштабов апокалипсиса: “...Нынешние цены на препараты делают их вовсе недоступными для большинства, именно большинства, я на этом настаиваю — россияне” [11, 27]. Опускается информация о дешевых аналогах дорогих препаратов, односторонне, без конкретизации, тенденциозно подается информация о льготах. В сочетании с заголовком и подписью к фотографии старика “Дорогие лекарства ускоряют дорогу к смерти” публикация прочитывается как необычайно категоричная и скорее вызывает неприятие и протест, нежели согласие с позицией журналиста.

Все эти приемы и уловки включают нередко риторические фигуры, понимаемые нами в соответствии с определением Б. В. Томашевского как “приемы изменения основного значения слова” [22, 334]. Ю. М. Лотман справедливо замечает, что “существуют культурные эпохи, целиком или в значительной мере ориентированные на тропы, которые становятся обязательным признаком всякой художественной речи...” [12, 184]. Можно сказать, что полемический текст в каком-то смысле представляет именно такую эпоху в журналистике. Возможно, отчасти потому, что троп вообще является фигурой, “рождающейся на стыке двух языков” [12, 185].

Помимо уловок, полемика использует и *ложь*. Журналист может как передавать аудитории лживые сведения, так и эксплуатировать существующие у аудитории обманные представления. В последнем случае достигается

эффект экономии усилий, поскольку журналисту нет нужды доказывать то неверное, что аудитория уже приняла как вполне справедливое. Достаточно лишь воскресить в памяти читателя существующие ошибочные представления. Но и правда может преподноситься журналистом так, что у читателя формируется глубокое сомнение в ее истинности и он склоняется к противоположной точке зрения. Последний вариант аргументативного поведения часто проявляется в структуре опровержения.

Вместе с тем в полемических материалах прессы ложь — не самый эффективный способ убеждения читателя. Во многом это связано с возможностью перепроверки фактов, и позиция, выстроенная на лжи, может быть полностью дискредитирована в случае обнаружения обмана.

Однако нельзя не заметить, что, хотя ложь и не является доминантным признаком полемических публикаций прессы, печатная полемика все же далеко отходит от принятых законов спора. В полемических текстах в традиционные формы аргументации умышленно включаются риторические ошибки, уловки, а логические аргументы с легкостью трансформируются критиками и публицистами в так называемый “аргумент к человеку”.

Аргумент при помощи примера часто переходит в “дамский аргумент”. Подобное “изменение” мы можем увидеть в статье А. Фадеева “Об одной кулацкой хронике” [24, 206–209]. Доказывая “вредность” произведения, критик “отжимает” из повести А. Платонова “Впрок” все светлое и оставляет только эпизоды, описывающие тяготы колхозной жизни, а потом утрирует их, доводит до абсурда. Такой же прием и по поводу той же повести использует в статье “Клевета” И. Макарьев [14, 23]. Далее в тексте критиков “дамский аргумент” доходит до так называемого “чтения в сердцах”, когда критики пытаются анализировать не только недостатки произведений писателя, но и делают попытку проанализировать подспудные, “вражеские” мотивы автора. Платонова называют “классовым врагом” с “мелкой душонкой”, стремящимся “опорочить нашу жизнь”.

Аргумент от авторитета, вполне корректный и точный, становится иногда тривиальным “аргументом к городовому”: критики ссылаются на “сильную личность” для доказательства своей правоты. Д. Уолтон отмечает, что “суть уловки одна: ссылка на “власть”, которая авторитетна или сильна и может зажать противнику нашему рот. Что и требовалось доказать. Для того чтобы применить та-

кую уловку, требуется, конечно, очень невежественная голова или очень темная совесть” [23, 76]. Д. Уолтон включает ее в рассуждение на основе источников: “Сначала человек спорит честь честью, спорит из-за того, истинен ли тезис или ложен. Но спор разыгрывается не в его пользу — и он обращается ко властям поддерживающим, указывая на опасность тезиса для государства или общества и т. д. Все равно, какие власти: старого режима или нового, “городовые” или “товарищи”, — название такого приема одно и то же: “призыв к городовому” [23, 77].

Но “призыв к городовому” имеет целью не только прекратить спор. Иногда важно заставить оппонента хотя бы в рамках материала отступить от своей позиции. Тогда упомянутые нами доводы получают название “палочных доводов” [23, 78]. Подобного рода уловки могут фигурировать в тексте в разных конкретных формах — в форме апелляции к общепринятой точке зрения, к примерам, социально одобряемым в каждом конкретном случае, к народной мудрости, воплощенной в пословицах и поговорках. Возможность трансформации аргумента от авторитета связана напрямую с качеством самой категории “авторитет”. Широкий диапазон ее использования объясняется во многом тем, что авторитет может быть логически не обоснован, но обусловлен идеальной представленностью индивида в сознании других. Средства массовой информации с успехом используют этот механизм, сначала возвеличивая человека, а потом ссылаясь на него.

Видоизменения “аргументов к городовому” и “палочных доводов” бесчисленны. Так, А. Фадеев в упомянутой ранее статье обращает внимание на образ Ленина во “Впроке” и “укрепляет” таким образом свою позицию. Он часто использует и другие аргументы к городовому, когда ссылается на коммунистическую партию или советский народ. Этот народ в публикациях Фадеева становится своеобразным архетипом отца, сильной защищающей и карающей руки [24, 206–209].

К наиболее частым видоизменениям и усложнениям относятся многие случаи “чтения в сердцах”. Эта уловка состоит в том, что полемист анализирует не столько доводы оппонента, сколько те тайные мотивы, которые заставили их высказываться. Или, напротив, высказывает догадку о том, почему человек не говорит чего-нибудь или не пишет.

К этому же разряду уловок нужно отнести и инсинуацию, когда полемист стремится подорвать в читателях доверие к противнику

и к его доводам, используя для этого необоснованные уничижительные намеки. Инсинуация основана на активизации так называемой дестабилизирующей информации — то есть такой информации, которая на какое-то время способна “сбить с толку” читателя или оппонента, заставить его усомниться в собственной правоте, в собственных убеждениях, в непреложных истинах и общепринятых точках зрения через такие реакции, как испуг, недоумение, удивление, непонимание. В полемике роль дестабилизатора чаще всего играет провокационная речь.

По определению Е. Н. Зарецкой, *“провокационная речь* — это особый тип речи, рассчитанный внутренне на получение некоторой ответной информации — или известной тому, кто провоцирует, или неизвестной” [8, 60]. В полемическом тексте, как правило, проявляет себя первая целевая установка. Журналист знает или с большей или меньшей степенью достоверности предполагает ответ оппонента. Речь умышленно выстраивается так, чтобы получить желаемый ответ.

Провокационная речь, дестабилизируя оппонента, заставляет его реагировать эмоционально. В случае с публицистической полемикой этот эффект снижается, поскольку у оппонента есть время на обдумывание, на рациональное осмысление. Но все же очевидно, что провокационная речь “задает тон” ответа и программирует оппонента на определенную эмоциональную реакцию.

Категория провокационности максимально эффективно реализуется в вопросительных конструкциях (например, в интервью-конфронтации). Еще Аристотель отмечал: “Вопрос уместен... когда кто-то желает показать, что противник сам себе противоречит или говорит нечто парадоксальное” [1, 146].

Одна из часто используемых провокационных вопросительных конструкций построена на стремлении сформировать тему ответной реплики, например: *“Почему же не была организована быстрая эвакуация ребят?”* [28, 2]. Понятно, что такой вопрос в материале о гибели глухих детей на пожаре заставит оппонента (ответственное лицо) говорить на тему, показывающую его с негативной стороны. Вопрос как бы включает обвинение, не выдвигая его открыто. Реакция на обвинение обычно бывает более эмоциональной и дополнительно негативно характеризует оппонента.

Вопросительная конструкция может быть направлена и на то, чтобы обличить оппонента в незнании. Вопрос задается сложно или запутанно таким образом, чтобы оппонент не

сразу нашелся, что ответить, а читатель воспринял ответ как непонятный и нелогичный. Так, может быть использован вопрос не по существу проблемы, который сбивает оппонента с толку.

Частой формой провокационного вопроса в монологических жанрах является риторический вопрос с негативной оценкой: *“А как еще подтолкнуть нынешнего Патриарха на покой, если он “заболеет всерьез и надолго?”* [9, 35]

Иногда для провоцирования читательского внимания к собственному утверждению полемист использует вопрос, обращенный к самому себе или к аудитории, а не к оппоненту. Специфика полемики в прессе заключается именно в том, что провокационная речь часто бывает направлена в сторону третьего коммуникатора — аудитории: *“Сейчас, на некотором расстоянии, полезно спросить себя: а что, собственно, могло дать и реально дало такое наше лихо безнаказанное поведение? Укрепило ли оно свободу печати? Вряд ли. Только умножило ее издержки, показало неприглядную оборотную сторону медали. Может быть, нравы властвующей элиты исправились? Смешно даже думать. Повысился наш международный авторитет? Скорее наоборот”* [4, 42].

Нередко полемисты используют вопрос-капкан. Например, в тексте обсуждается вопрос о необходимости соглашения о разделе продукции в нефтяной сфере. И хотя автор сам пишет о том, что “при помощи развития инструментов СРП в экономику России может быть вовлечено от 65 до 100 миллиардов долларов”, публикация завершается вопросом: *“Так стоит ли и дальше жертвовать доходами бюджета и российских компаний ради недальновидных амбиций, не имеющих под собой разумных экономических оснований?”* [18, 26] Любой здравомыслящий читатель ответит на таким образом сформулированный вопрос: “Нет”. Но представленные журналистом факты на протяжении всей публикации были неоднозначны и позволяли оценить ситуацию как позитивно, так и негативно. Уловка, содержащаяся в вопросе, лишает читателя права выбора.

В диалогическом полемическом тексте, пытаясь сформировать позицию читателя независимо от ответа респондента, полемисты обращаются к блокирующему вопросу. Часто его называют закрытым. Он задает ответ по схеме “да, нет, не знаю” и блокирует вариации. Как правило, это достигается за счет использования категоричных, крайних оценок предмета вопроса, когда расплывчатый, неоднозначный ответ сам по себе будет воспринят

читателем как поражение: “*И вас не пытались использовать в чужих играх?*” [10, 13] Нередко блокирующий вопрос развивается в принудительный, выстраиваемый по схеме: “Ведь вы не будете отрицать, что...”

Думается, в число провокационных вопросов можно включить и вопросы, адресованные аудитории и реализующие функцию доказательства по отношению к тезису полемиста. Так, в публикации “Пир во время чумы, или Принцип домино” С. Баймухаметов выражает возмущение ситуацией, когда средства массовой информации обсуждают вопросы личной жизни, пикантные подробности и несущественные, но скандальные детали и уходят от обсуждения серьезных проблем: “*Только не лезьте в наши дела, не возбуждайте неприятных вопросов: почему одни почти нищие, а другие безмерно богаты? Почему заглохло раследование дефолта 1998 года? Почему генералу из Министерства обороны за кражу 400 миллионов долларов дают 4 года, а бомжу за кражу курицы — 5 лет лагерей? Почему?..*

— *А вот этих “почему” не надо, — говорят нам нынешние хозяева жизни. — Лучше спрашивайте в эфире, почему одни гомики, а другие лесбиянки*” [2, 43].

Особое внимание в полемическом тексте уделяется наводящим вопросам. Они могут быть представлены следующими типами — вопросы, содержащие явные или неявные логические презумпции, и вопросы, содержащие оценочные либо эмоциональные выражения. В полемическом тексте наводящий вопрос часто искажает ответ и объединяет оба варианта, демонстрируя тесное слияние логичности и эмоциональности, например: “*Вчера во многие организации и учреждения по всей стране поступили письма якобы из “Единой России” с настоятельной рекомендацией создать партиячки и принимать в члены этой партии не менее пяти процентов работников. Пришло такое обращение и в “Российскую газету”. Руководители “единороссов” уже назвали это письмо фальшивкой и провокацией. Тем не менее скандал разрастается. Не является ли он сигналом того, что предстоящие думские выборы, мягко говоря, будут не чище предыдущих?*” [6, 3]

Безусловно, провокационная речь может быть выражена не только в вопросительных конструкциях, но и в утверждениях, которые провоцируют оппонента на некое высказывание. Как правило, такие утверждения содержат негативную оценку оппонента в открытой форме или в форме догадки: “*Скорее всего эта информация нужна американцам для оправда-*

ния неизбежных жертв среди мирного населения” [21, 8].

В форме провокатора может выступать и нелепая переделка высказываний оппонента: “*Довод? Как говорится, перед богом все равны. Все должны платить НДС*” [11, 27]. В тексте, где речь идет о вводе НДС на лекарства, довод оппонента об обязательности налогов для всех предваряется фразой о Боге. В таком контексте введение НДС воспринимается читателем как безбожный акт.

Провокатором часто является грубость по отношению к оппоненту: “*Автор, судя по стилю, — полуграмотный доморощенный философ, из тех, кому раньше во всех редакциях давали от ворот поворот, и вот теперь он решил, что пришло его время*” [4, 42].

Иногда, напротив, слишком открытая лесть провоцирует оппонента на негативное поведение или вызывает оценку оппонента читателями в прямо противоположном смысле, нежели говорит льстец: “*— Хорошо, Владимир Петрович, раз вы такие умные в своем “Мосрыбводе”, то, наверное, знаете, что надо делать, чтобы и овцы были целы, и волки сыты*” [26, 27].

В форме провокатора может выступать сравнение с идеалом, нормой или начальным положением дел не в пользу оппонента, часто сочетающаяся с намеками, компрометирующими собеседника: “*Более того, Минфин пытался заверить, что введение НДС не отразится на ценах. На основании чего делались такие выводы? Слишком далеки его аналитики от народа? Похоже на то. Никогда не были в аптеках, никогда за свои деньги не приобретали лекарства? Похоже на то. Тысячные цены на жизненно важные препараты для них мелочевка? Похоже на то*” [11, 27].

Таким образом, обозначенные нами структуры могут быть направлены на провокацию эмоционального отклика как со стороны оппонента, так и со стороны аудитории. В первом случае снимаются защитные барьеры противника, во втором — повышается убеждающий потенциал публикации. В сочетании с некорректной аргументацией такие провокационные конструкции способны существенно деформировать этическое пространство диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. — М.: Лабиринт, 2000.
2. Баймухаметов С. Пир во время чумы,

- или Принцип домино / С. Баймухаметов // Журналист. — 2003. — № 1.
3. Богданов Б. КГБ: код государственной безопасности / Б. Богданов // Компьютерра. — 2003. — № 2.
4. Вайнонен Н. Как критикуют Президента / Н. Вайнонен // Журналист. — 2003. — № 1.
5. Вартанов А. О диктаторах — на сытый желудок / А. Вартанов // Журналист. — 2003. — № 1.
6. Воробьев В. Вот это “ДА” / В. Воробьев, Т. Шкель // Российская газета. — 2003. — 28 марта.
7. Гуриев В. Тайное становится явным / В. Гуриев // Компьютерра. — 2003. — № 2.
8. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — М.: Дело, 2002.
9. Карпенко И. Вместо души — PR / И. Карпенко // Журналист. — 2003. — № 1.
10. Кожемякин В. Алексей Пушкин: “Я не бультерьер и не лицедей” / В. Кожемякин // Аргументы и факты-Москва. — 2003. — 15 января.
11. Краснопольская И. Налог с летальным исходом / И. Краснопольская // Российская газета. — 2003. — 28 марта.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — СПб.: Искусство — СПб, 2001.
13. Майзель М. Ошибки мастера / М. Майзель // Звезда. — 1930. — № 4.
14. Макарьев И. Клевета / И. Макарьев // На литературном посту. — 1931. — № 18.
15. Мессер Р. Попутчики второго призыва / Р. Мессер // Звезда. — 1930. — № 4.
16. Мытарев В. Берегите природу за деньги! / В. Мытарев // Российская газета. — 2003. — 28 марта.
17. Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. / С. И. Поварнин. — СПб.: Лань, 1996.
18. Рогов П. Споры о СРП: точка еще не поставлена / П. Рогов // Российская газета. — 2003. — 8 марта.
19. Романов Ю. Осанна за наличные / Ю. Романов // Журналист. — 2003. — № 1.
20. Сиснев В. Команды ликовать не было / В. Сиснев // Труд. — 2003. — 11 апреля.
21. Слипченко В. Кавалеристы скажут в пустыню / В. Слипченко // Российская газета. — 2003. — 28 марта.
22. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1996.
23. Уолтон Д. Аргументы ad hominem. М.: Общественное мнение / Д. Уолтон. — М.: Общественное мнение, 2002.
24. Фадеев А. Об одной кулацкой хронике / А. Фадеев // Красная новь. — 1931. — № 5-6.
25. Чапек К. Двенадцать приемов литературной полемики, или пособие по газетным дискуссиям / К. Чапек // Золотая серия юмора. — М.: Вагриус, 2001.
26. Юрков А. Засуха накануне половодья / А. Юрков // Российская газета. — 2003. — 28 марта.
27. Янченков В. Американский акцент / В. Янченков // Труд. — 2003. — 11 апреля.
28. Янченков В. Это все мы — глухие. В огне спасенья нет / В. Янченков // Труд. — 2003. — 11 апреля.